

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-7>

УДК 343.214

Attribution

cc by

ОБЪЕКТИВНЫЙ И СУБЪЕКТИВНЫЙ ЭКСЦЕСС
СОУЧАСТНИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Гюлбанкян А.А.

прокуратура города Энергодара Запорожской области

Аннотация. Цель работы состоит в том, чтобы теоретически обосновать и на конкретных примерах подтвердить, что эксцесс соучастника имеет не только объективные, но и субъективные проявления. Методология исследования: общенаучные и частнонаучные методы, традиционные для юридических исследований (анализ и синтез, методология системного подхода, формально-логический метод, исследование документов и др.). Результаты исследования: в зависимости от формы проявления эксцесса предложено выделять: а) эксцесс соучастника в части объективных признаков преступления (объективный эксцесс), который имеет внешние, видимые проявления (посягательство на новый или дополнительный объект, увеличение количества потерпевших, предметов преступления, иной способ совершения преступления, другая форма соучастия, возрастание ущерба и т.п.); б) эксцесс соучастника в части мотива и (или) цели совершения преступления (субъективный эксцесс), который не отражается на объективных характеристиках совместно совершенного преступления. В статье анализируются доктринальные и правоприменительные подходы к уголовно-правовой оценке субъективного эксцесса, допущенного исполнителем и иными соучастниками преступления, обсуждаются трансформации правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации относительно квалификации субъективного эксцесса.

Ключевые слова: эксцесс исполнителя преступления, эксцесс соучастника, объективный эксцесс соучастника, субъективный эксцесс соучастника.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

OBJECTIVE AND SUBJECTIVE EXCESSES
OF AN ACCOMPLICE TO A CRIME

Aram A. Gulbankyan

Prosecutor of the city of Energodar, Zaporozhskaya Oblast

Abstract. The objective of the work is to theoretically substantiate and confirm with specific examples that the excess of an accomplice has not only objective but also subjective manifestations. Research methodology: general scientific and specific scientific methods traditional for legal research (analysis and synthesis, systems approach methodology, formal-logical method, document examination, etc.). Research results: depending on the form of manifestation of the excess, it is proposed to distinguish: a) the excess of an accomplice in terms of objective elements of a crime (objective excess), which has external, visible manifestations (encroachment on a new or additional object, an increase in the number of victims, objects of the crime, a different method of committing a crime, a different form of complicity, an increase in damage, etc.); b) the excess of an accomplice in terms of the motive and (or) the purpose of committing a crime (subjective excess), which is not reflected in the objective characteristics of the jointly committed crime. This article analyzes doctrinal and law enforcement approaches to the criminal-law assessment of subjective excess committed by the perpetrator and other accomplices to a crime, and discusses the evolution of the Supreme Court of the Russian Federation's legal positions regarding the classification of subjective excess.

Keywords: perpetrator excess, accomplice excess, objective accomplice excess, subjective accomplice excess.

Funding: Independent work.

Введение.

В подавляющем большинстве случаев представители уголовно-правовой доктрины рассматривают эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления исключительно в объективной плоскости, полагая, что таковой всегда выражается в совершении конкретных действий (акта бездействия), которые не охватываются умыслом иных соучастников. В свое время эту позицию очень четко обозначил Г.Ф. Бурчак, подчеркнув, что при эксцессе «отклонения деятельности исполнителя от того, к чему он был определен соучастниками, ... возможны лишь в сфере объективной. Иными словами, отклонение деятельности исполни-

теля от того, к чему его склонили организатор или подстрекатель, либо чему оказывал содействие пособник, возможно лишь в части объекта или объективной стороны состава преступления». В другом месте своей монографии Г.Ф. Бурчак пишет: «Эксцессом исполнителя называются случаи, когда он: а) посягает не на тот объект, который охватывался умыслом организатора, подстрекателя или пособника; б) совершает не те действия, к которым его склоняли организатор, подстрекатель или которым содействовал пособник» [1, с. 204-205, 207]. Проще говоря, при этом подходе эксцесс соучастника обязательно должен иметь внешнее проявление, которое можно увидеть, зафиксировать объективно. В таком случае критериями эксцесса выступают

посягательство на новый или дополнительный объект, увеличение количества потерпевших, номенклатуры или числа предметов преступления, более интенсивный способ совершения преступления, совершение преступления в более опасной форме соучастия, возрастание ущерба и другие объективные обстоятельства, выходящие за рамки общего умысла соучастников.

Представляется, что такой подход безосновательно сужает спектр возможных проявлений эксцесса соучастника преступления. В настоящей статье выдвинута гипотеза о том, что эксцесс соучастника может иметь не только объективные, но и субъективные проявления.

Результаты.

Эта гипотеза имеет эмпирическое и теоретическое подтверждение. Как показывает практика, расхождение в объеме умысла соучастников может наблюдаться не только в части объективных характеристик совместно совершенного преступления, но и в части его субъективных параметров.

Простой пример. А. решил убить Б. из корыстных побуждений – чтобы не отдавать ему долг. В качестве пособника он привлек В., при этом скрыл от В. истинные мотивы своих действий, сообщив ему, что убийство обусловлено местью. В., руководствуясь личной неприязнью к потерпевшему, оказал содействие в убийстве (доставил А. к месту совершения преступления на автомобиле и увез его после убийства).

Полагаем, что в приведенном примере прослеживаются все признаки эксцесса исполнителя. Исполнитель совершил преступление, которое охватывалось умыслом пособника не в полном объеме. В соответствии с достигнутым соглашением пособник оказал исполнителю содействие в совершении убийства, не зная при этом о корыстных побуждениях исполнителя, которые повышают общественную опасность содеянного. Иными словами, умыслом пособника не охватывалось квалифицирующее обстоятельство совершенного убийства, относящееся к субъективной стороне преступления, что исключает возможность вменения этого квалифицирующего признака пособнику.

При этом специфика рассматриваемой ситуации заключается в том, что с объективной точки зрения исполнитель за рамки договоренности, достигнутой с пособником, не вышел. Он исполнил то самое деяние, о котором сговорился с пособником (убийство конкретного потерпевшего), но совершил его с субъективной «окраской», о которой пособник не знал, при наличии квалифицирующего обстоятельства, относящегося к мотиву преступления.

Приведенный пример наглядно демонстрирует, что эксцесс исполнителя (равно как и иного соучастника) преступления может проявиться не только в объективной плоскости, но и в плоскости субъективной.

Таким образом, в зависимости от формы проявления можно выделить:

1) эксцесс соучастника в части объективных признаков преступления (для краткости можно именовать этот эксцесс «объективным»);

2) эксцесс соучастника в части мотива и (или) цели совершения преступления («субъективный» эксцесс).

При этом, конечно же, не стоит забывать о неразрывной связи объективных и субъективных признаков преступления. Нужно учитывать, что мотивы и цели лица только тогда приобретают уголовно-правовое значение, когда они получили внешнее выражение, т.е. воплотились вовне в конкретном преступном деянии. Следовательно, в понятие «субъективный» эксцесс соучастника изначально заложена определенная доля условности, ведь этот эксцесс в конечном итоге воплощается во внешнем поведении соучастника.

Тем не менее, даже несмотря на отмеченную условность, разграничение объективного и субъективного эксцесса соучастника преступления представляется полностью оправданным. Введение этих понятий в научный оборот позволяет углубить доктринальные представления об эксцессе исполнителя и иных соучастников преступления, вынуждает пересмотреть устоявшиеся подходы, которые не соответствуют действительности, и признать, что эксцесс может проявляться не только на объективном, но и на субъективном уровнях.

В дальнейшем изложении понятием «объективный эксцесс соучастника» мы будем обозначать такой эксцесс, который имеет внешние, видимые проявления (посягательство на новый или дополнительный объект, увеличение количества потерпевших, предметов преступления, иной способ совершения преступления, другая форма соучастия, возрастание ущерба и т.п.). Соответственно, субъективным будет называться эксцесс, который проявился исключительно на уровне мотива и (или) цели действий соучастника, но не отразился при этом на объективных характеристиках совместно совершенного преступления. Например, исполнитель убийства, скрывший от пособника истинный мотив преступления – кровную месть, в объективном плане от сговора не отступает – убивает того же потерпевшего, тем же способом, пользуясь при этом содействием пособника. Эксцесс здесь проявляется лишь в субъективной плоскости, а именно в том, что умыслом пособника не охватывается мотив исполнителя, имеющий квалифицирующее значение (п. «е¹» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Если же неизвестны иным соучастникам мотив и (или) цель исполнителя изменяют объективные параметры деяния, то такой эксцесс нельзя считать исключительно субъективным. Например, А. склонил Б. к совместному совершению убийства, не поставив его в известность о том, что потерпевший является следователем, а посягательство на его жизнь нацелено на воспрепятствование предварительному расследованию. После этого они убили потерпевшего. В этом случае эксцесс со стороны первого соисполнителя в части цели совершения убийства неизбежно порождает экс-

цесс и в части объекта преступления (преступление посягает не только на жизнь человека, но и на интересы правосудия). Получается, что в рассматриваемой ситуации эксцесс соисполнителя имеет объективно-субъективный, т.е. смешанный характер.

Мнение юридической доктрины относительно уголовно-правовой оценки субъективного эксцесса исполнителя можно признать консолидированным и вполне однозначным. В теории уголовного права считается общепризнанным, что «для одинаковой квалификации действий исполнителя и других соучастников не требуется совпадения мотивов и целей, усиливающих ответственность, но обязательной является осведомленность других соучастников о том, что исполнитель преступления совершает его по указанному в законе мотивам либо со специальной целью» [2, с. 47-48; 4, с. 86; 8, с. 189]. При наличии такой осведомленности мы констатируем, что умыслом соучастника охватывались специальные (т.е. отягчающие) мотив или цель исполнителя, а это, в свою очередь, требует вменения соответствующего квалифицирующего признака соучастнику. Иллюстрируя это правило примером, А.И. Рарог справедливо указывает, что «действия лица, помогающего совершить убийство, должны квалифицироваться как пособничество убийству из корыстных побуждений, если их наличие у исполнителя охватывалось сознанием пособника, хотя сам пособник действовал из ревности или мести» [7, с. 236]. И наоборот: если мотив исполнителя, указанный в статье Особенной части УК РФ в качестве квалифицирующего обстоятельства, не охватывался умыслом других соучастников, то этот «эксцессный» мотив не должен вменяться соучастнику.

Это правило квалификации подтверждено Верховным Судом Российской Федерации, который неоднократно обращал внимание нижестоящих судов на то, что «квалифицирующие признаки состава преступления могут вменяться соучастникам только при условии установления в них умысла в отношении этих признаков» (определение № 4-014/03 по делу Сторощука и других: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2004 года).

Длительное время Верховный Суд Российской Федерации руководствовался позицией, согласно которой на квалификацию действий соучастников могут оказывать влияние мотивы и цели лишь исполнителя преступления, но не иных соучастников. Субъективный эксцесс со стороны иных соучастников преступления высшая судебная инстанция игнорировала, полагая, что мотивы и цели организатора, подстрекателя, пособника не имеют значения для квалификации преступления, если эти мотивы и цели у исполнителя преступления отсутствовали.

Весьма показательным в этом отношении можно считать решение Верховного Суда Российской Федерации по делу Ведерникова. Вердиктом коллегии присяжных заседателей Ведерников признан виновным в том, что он, зная о беременности П. и намереваясь завладеть ее деньгами, склонил другое лицо, в от-

ношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, к убийству потерпевшей, пообещав исполнителю заплатить денежное вознаграждение и не требовать от него возврата долга. Исполнитель убил П.

Из вердикта следует, что Ведерников, склоняя исполнителя к убийству П., не говорил ему, что намерен завладеть деньгами П., не предлагал ему совместно завладеть этими деньгами, не ставил исполнителя убийства в известность и о том, что потерпевшая находится в состоянии беременности, не подстрекал его к убийству беременной женщины. Осведомленность исполнителя убийства о беременности П. также не установлена вердиктом. Вердиктом установлено, что исполнитель преступления руководствовался только стремлением получить у Ведерникова вознаграждение и освободиться от возврата долга в такой же сумме.

Приговором суда первой инстанции Ведерников был осужден за подстрекательство к убийству женщины, находящейся в состоянии беременности, из корыстных побуждений, по найму (ч. 4 ст. 33, п. «г», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с такой квалификацией, исключила из приговора осуждение Ведерникова по ч. 4 ст. 33, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и указание суда на совершение убийства из корыстных побуждений. В обоснование этого решения Судебная коллегия указала, что, «исходя из взаимосвязанных положений части 4 ст. 33 УК РФ и части 3 ст. 34 УК РФ, в силу того, что подстрекатель непосредственно не выполняет объективную сторону преступления, он несет уголовную ответственность за то преступление, к совершению которого он склонил исполнителя, но со ссылкой на ст. 33 УК РФ. В этой связи обстоятельства, хотя и известные подстрекателю, но не охватываемые умыслом исполнителя, не могут признаваться квалифицирующими признаками преступления, инкриминируемого как исполнителю, так и подстрекателю. ... При этом мотив, которым руководствовался подстрекатель убийства, не влияет на квалификацию убийства, совершенного по найму. ... В связи с тем, что Ведерников не являлся исполнителем убийства, наличие у него корыстных побуждений и его осведомленность о беременности П. не могут учитываться при квалификации его действий» (апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2013 № 33-АПУ13-18сп).

Таким образом, высшая судебная инстанция решила, что субъективный эксцесс подстрекателя не влияет на квалификацию его действий.

Аналогичная позиция отражена в решении высшего судебного органа по делу Кикова и Братова: «... обстоятельства, хотя и известные организатору, но не охватываемые умыслом исполнителя, не могут признаваться квалифицирующими признаками преступления, инкриминируемого как исполнителю, так и организатору. При таких обстоятельствах действия исполнителя преступления Братова правильно квалифицированы судом как убийство по

найму. В связи с тем, что Киков не являлся исполнителем убийства, и наличие у него корыстных побуждений не могло учитываться при квалификации его действий, он должен нести ответственность за организацию убийства по найму, то есть, только по тому мотиву, который воспринят и реализован исполнителем» (апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2017 № 30-АПУ17-1СП).

Надо признать, что вышеизложенный подход снижал немало сторонников в уголовно-правовой доктрине. Так, например, Ю.Е. Пудовочкин считает, что «когда исполнитель преступления не осведомлен об имеющих квалификационное значение мотивах организатора, таковые мотивы не могут быть ему вменены, а в силу начал акцессорности соучастия они не могут быть вменены и самому организатору преступления» [6, с. 26-27]. Аналогичные доводы приводит П.С. Яни, который убежден в том, что «нормы Общей части Уголовного кодекса не допускают вменения соучастнику собственного мотива, отличающегося от мотива исполнителя. Также важный довод в пользу данного заключения состоит в том, что квалифицирующие признаки всякого преступного деяния "окрашивают" только деяние исполнителя. Возможность их вменения исключительно организатору, подстрекателю либо пособнику уголовный закон не предусматривает» [9, с. 50-54; 10, с. 42-45].

В основу этих рассуждений положены акцессорные представления об ответственности соучастников, в силу которых квалификация действий исполнителя оказывает определяющее влияние на уголовно-правовую оценку действий иных соучастников [5, с. 39-42]. В этой акцессорной парадигме на первый план выходят мотивы и цели, которыми руководствовался исполнитель. Соответственно, при таком подходе личные мотивы и цели организатора, подстрекателя, пособника, не совпадающие с субъективной стороной деяния, осуществленного исполнителем, полностью утрачивают квалифицирующее значение. В результате получается, что субъективный эксцесс исполнителя (например, когда он совершает преступление с квалифицированным мотивом, не известным иным соучастникам) оценивается по правилам ст. 36 УК РФ, а субъективный эксцесс организатора, подстрекателя или пособника с точки зрения квалификации их действий признается юридически ничтожным.

В 2017 г. Верховный Суд Российской Федерации существенно пересмотрел подход к квалификации субъективного эксцесса, допущенного соучастниками, которые не выполняли объективную сторону преступления. Толчком к пересмотру сложившейся судебной практики послужило известное уголовное дело в отношении Гамзатова.

Фабула уголовного дела в кратком изложении такова. Гамзатов организовал убийство своей жены с целью сокрытия ранее совершенного преступления (развратных действий в отношении ее дочери от первого брака). В качестве исполнителя Гамзатов привлек

своего двоюродного брата М., скрыв при этом от исполнителя истинную цель своих действий. В результате М. убил жену Гамзатова, руководствуясь мотивом мести за ее аморальное поведение.

Суд первой инстанции квалифицировал действия исполнителя М. по ч. 1 ст. 105 УК РФ, а действия Гамзатова – по ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ как организацию убийства с целью сокрытия другого преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации с такой квалификацией не согласилась, сославшись на то, что «мотив (с целью скрыть другое преступление), которым в действительности руководствовался организатор убийства – Гамзатов, был скрыт от исполнителя М., и, следовательно, мотив Гамзатова в данном случае не влияет на правовую квалификацию его действий, поскольку он (Гамзатов) исполнителя М. к квалифицированному убийству не склонял». На этом основании Судебная коллегия переквалифицировала действия Гамзатова на ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ, т.е. реализовала тот же акцессорный подход, что и в решениях по делам Ведерникова и Кикова.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации не согласился с позицией Судебной коллегии и отменил вынесенное ею апелляционное определение. Как указал Президиум, «Судебная коллегия при решении вопроса о переквалификации действий организатора преступления исходила из того, что ч. 3 ст. 34 УК РФ независимо от обстоятельств, относящихся к организатору преступления (в том числе независимо от направленности умысла, от мотива, цели его действий), предполагает квалификацию содеянного им по той же норме уголовного закона, что и действия исполнителя. Однако такой вывод сделан без надлежащего анализа норм уголовного закона и без учета ряда обстоятельств, имеющих значение для правильной правовой оценки содеянного. Указанную норму уголовного закона (ч. 3 ст. 34 УК РФ) при квалификации действий организатора преступления следует истолковывать во взаимосвязи с положениями ст. 5, ч. 1 ст. 34, ч. 5 ст. 34, ст. 36 УК РФ. По смыслу ч. 3 ст. 34 УК РФ юридическая оценка действий организатора, подстрекателя, пособника производна от квалификации действий исполнителя преступления при наличии у них всех единого умысла на совершение конкретного преступления и при совершении исполнителем именно этого преступления. Нормы действующего уголовного закона не препятствуют квалификации действий соучастников и исполнителей преступления по разным статьям и разным частям одной и той же статьи Особенной части УК РФ в зависимости в том числе от мотива их преступного поведения, от целей, которые они преследовали, участвуя в преступлении. В соответствии с ч. 1 ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Данные обстоятельства не были учтены судом апелляционной инстанции при истолковании и

применении положений ч. 3 ст. 34 УК РФ, что повлекло за собой существенное фундаментальное нарушение уголовного закона (неправильное его применение), повлиявшее на юридическую квалификацию действий осужденного, а значит, и на исход уголовного дела в отношении его» (постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2017 № 27-П17).

В последующем этот подход был реализован в решении высшего судебного органа по делу Брозанского. Не соглашаясь с доводами кассационной жалобы, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что «юридическая оценка действий Брозанского С.А. по ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как организация совершенного убийства из корыстных побуждений, по найму, является правильной. Не ставя ее под сомнение и доводы осужденного о том, что он не сообщал исполнителю преступления свои мотивы для убийства К.» (кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 № 53-УД23-5-А5).

Заключение.

Представляется, что новый подход Верховного Суда Российской Федерации к уголовно-правовой оценке эксцесса соучастника в части мотива или цели совершения преступления заслуживает полной поддержки. Во-первых, он позволяет реализовать требования субъективного вменения при квалификации действий всех соучастников преступления, не ограничивая сферу его применения исключительно исполнением преступления. Во-вторых, рассматриваемая правовая позиция высшей судебной инстанции расширяет «сферу приложения» отраженного в ст. 36 УК РФ правила об эксцессе, подтверждая доктринальные выводы о том, что оно должно применяться не только к эксцессу исполнителя, но и к эксцессу иных соучастников [3, с. 50-51]. В-третьих, новый подход к квалификации эксцесса организатора, подстрекателя и пособника в части мотива или цели совершения преступления представляется намного более выигрышным в правоприменительном плане, чем прежняя позиция, основанная на строгой акцессорности ответственности соучастников.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. - Киев, 1969.
2. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по советскому уголовному праву. - М., 1959.
3. Капинус О.С., Образиев К.В. Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. - 2018. - № 2. EDN: XOEKCD
4. Корнеева А.В. Теория квалификации преступлений: Учебное пособие для магистров. - М.: Проспект, 2014.
5. Образиев К.В. Институт соучастия в преступлении: современные тенденции развития // Российский следователь. - 2024. - № 1. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-1-39-42 EDN: WPSXAF
6. Пудовочкин Ю.Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика: Научно-практическое пособие. - М.: Российский государственный университет правосудия, 2017.
7. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. - СПб.: Издательство "Юридический центр Пресс", 2002. ISBN: 5-94201-124-9 EDN: XUASAX
8. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): Научно-практическое пособие. - М.: Проспект; Екатеринбург; Уральская государственная юридическая академия, 2014.
9. Яни П.С. Мотив соучастника // Законность. - 2019. - № 8. EDN: BHJMKТ
10. Янковский Д.А. Акцессорная природа соучастия и ее влияние на наказуемость соучастников // Российский следователь. - 2021. - № 6. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-6-42-45 EDN: KEVMNC

References:

1. Burchak F.G. The doctrine of complicity under Soviet criminal law. Kiev, 1969.
2. Grishaev P.I., Krieger G.A. Complicity in Soviet criminal law. Moscow, 1959.
3. Kapinus O.S., Obrazhiev K.V. Excess of the perpetrator and other accomplices of the crime: problems of qualification // Criminal law. - 2018. - № 2. EDN: XOEKCD
4. Korneeva A.V. Theory of crime qualification: A textbook for psychiatrists. Moscow: Prospekt Publ., 2014.
5. Obrazhiev K.V. Institute of complicity in crime: current development trends // A Russian investigator. - 2024. - № 1. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-1-39-42 EDN: WPSXAF
6. Pudovochkin Yu.E. Qualification of complicity in a crime. Judicial practice: A scientific and practical guide. Moscow: Russian State University of Law, 2017.
7. Rarog A.I. Qualification of crimes on subjective grounds. - St. Petersburg: Publishing House "Legal Center Press", 2002. ISBN: 5-94201-124-9 EDN: XUASAX
8. Semerнева N.K. Qualification of crimes (General and Special parts): A scientific and practical guide. Moscow: Prospekt; Yekaterinburg; Ural State Law Academy, 2014.
9. Yani P.S. Motive of an accomplice // Legality. - 2019. - № 8. EDN: BHJMKТ
10. Yankovsky D.A. The accessory nature of complicity and its impact on the punishability of accomplices // Russian Investigator. - 2021. - № 6. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-6-42-45 EDN: KEVMNC

Информация об авторе:

Гюлбанкян Арам Артурович, кандидат юридических наук, помощник прокурора города Энергодара Запорожской области,
aram.gyulbankyan@inbox.ru

Aram A. Gulbankyan, Candidate of Law, Assistant Prosecutor of the city of Energodar, Zaporozhskaya Oblast

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.11.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.01.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.